

Епископ Михаил

Великий разгром

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8

Епископ Михаил

Великий разгром / Епископ Михаил – М.: Книга по Требованию, 2016. – 199 с.

ISBN 978-5-458-13682-2

Великий разгром. Историческая повесть из времен первых гонений на старообрядчество. В трех частях.

ISBN 978-5-458-13682-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Великій разгромъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Въ Соловкахъ.

I.

Послѣдній соборъ.

Тихо... Жутко тихо...

Одинъ, другой, третій... отчитываль въ чугунную доску удары привратникъ обители святыхъ Зосимы и Савватія,—четыре, пять...

На одной изъ башенъ въ оконце выглянула странная фигура въ черномъ полумонашескомъ одѣяніи и съ бердышомъ въ рукахъ.

— «Эге. И полночь недалеко,—вслухъ подумаль полумонахъ-полувоинъ.—Чай, скоро и смѣна. Не всю ночь стоять,—такъ, помилуй Богъ, и задремлешь».

«Преподобные отцы Зосима и Савватій, молитесь Бога о насъ»,—послышался сторожевой пѣвучій окликъ съ одной башни.

«Святителю Германе, моли Бога о насъ»,—отозвался Ивашка. И снова жуткая тишина ночи...

Ночи! Но такъ свѣтло, что можно думать—сейчасъ сѣрый сѣверный полдень, а не полночь.

Только пустота и безмолвіе многолюднаго монастыря, всегда оживленнаго, наполненнаго работающими монахами и мірянами, казались странными для полудня.

Но мы забыли, что мы на сѣверѣ, близкомъ къ области «вѣчнаго» полярнаго дня, не заходящаго цѣлые мѣсяцы солнца и долгой, многомѣсячной полярной ночи.

Правда, здѣсь еще нѣтъ настоящаго полярнаго полугодоваго дня, но все же бываетъ мѣсяцами, что ночи «бѣлѣе» дней. Такое время было и теперь.

Все молчитъ... Блѣдный холодный свѣтъ невидимаго ночного солнца освѣщаетъ громадный неуклюжій гранитный пятиугольникъ, опоясывающій монастырь. Съ этими стѣнами въ три сажени вышиной, въ шесть саженъ толщиной Соловки кажутся неприступной крѣпостью. Мрачно возвышаются стѣны. Неровныя, съ выступающими углами камней, съ узорами зеленого бархатистаго моху въ промежуткахъ. Сѣрыя, съ выглядывающими изъ обледенѣвшихъ неправильныхъ бойницъ пушками, съ круглыми остроконечными башнями, торчащими то тутъ, то тамъ, какъ щетина у ежа, своей массивностью, громадой и отрицаніемъ архитектуры, онѣ производили впечатлѣніе естественнаго нагроможденія скалъ, особенной несокрушимой твердости.

А тамъ, внутри, подъ защитой этой «великой стѣны» укрылся и самый монастырь, еле выглядывая крестами невысокихъ церквей.

Сейчасъ, какъ мы сказали, пусто. Монастырь спитъ...

И въ холодныхъ лучахъ полнѣчнаго солнца обитель принимаетъ пустынный, какой-то призрачный, мертвенный видъ.

Маленькія деревянныя келейки сбились въ кучу въ одномъ мѣстѣ, и сердитый сѣверный вѣтеръ намель вокругъ нихъ сугробы, совсѣмъ занесъ снѣгомъ. Крошечныя волоковые окна только и говорятъ о томъ, что тутъ жилъ.

Ярко искрится, блеститъ снѣгъ, переливается свѣтъ въ «роскошныхъ», по тому времени, *стеклянныхъ* окнахъ собора. Чуть-чуть виднѣется изъ глубокаго сугроба крестъ на могилѣ Авраамія Палицына, пріютившейся возлѣ стѣны громаднаго каменнаго собора.

Горитъ неугасимая лампада въ часовнѣ святителя Германа, около его гробницы.

Тихо, невесело... Только церкви, низенькія, простыя, съ колоннообразными, прямыми, уходящими вверхъ колоколенками, съ круглыми приземистыми куполами, такія красивыя, изящныя, сообщаютъ Соловкамъ извѣстную привѣтливость.

Невесело въ монастырѣ, а за стѣнами и вовсе жутко. Пустая бѣлая равнина, однообразная, холодная, непривѣтливая. И по этой равнинѣ, какъ могильные памятники, раскинуты обгорѣлые стоги, развалины келлій, сожженныхъ жестокимъ стрѣлецкимъ головой Іевлевымъ осаждавшимъ монастырь два года.

Караульные въ башняхъ стоятъ молча и, нѣтъ-нѣтъ, перекинутся своимъ кличемъ—молитвой.

Морозный воздухъ чистъ и прозраченъ, и далеко видно съ высокихъ башенъ.

Невеселый пейзажъ...

И невесело думается труднику обители Ивашкѣ Дмитріеву на башенной вышкѣ.

Тяжело... Девятый годъ осаждаютъ обитель никоніане; нудятъ принять новыя порченныя книги. Девятый годъ ни входу, ни выходу. Уже два воеводы смѣнилось, Иванъ Мещериновъ—третій. Плохо приходится инокамъ, сидятъ въ монастырѣ, а въ міръ нечего и думать пробраться,—строжатъ окаянные. И угодниковъ не срамятся.

Намедни изъ пушекъ палили... и сколько страху натерпѣлись. Надругались Велиаровы слуги и надъ святыней,—одно ядро попало въ Самого Спаса. Другое около могилки святителя Германа разорвалось.

Да, трудно... Сколько перемерло отъ болѣстей всякихъ.

Очень мучить и дозорная служба. Стѣны нельзя оставить безъ призора ни на минуту, и многимъ приходится пропускать церковныя службы.

«На Рожество къ заутрени сходить и то не довелось, стоять пришлось чередъ,—съ горечью припомнилъ Ивашка,—какъ нехристи какіе; въ эдакій праздникъ малый ребенокъ и тотъ въ церкви, а мы тутъ!»

Онъ враждебнымъ взглядомъ окинулъ окрестности.

Все вызываетъ дурныя воспоминанія.

Вонъ прямо передъ глазами, тамъ, за замершимъ голубымъ испещреннымъ темными грядями чуть выглядывающихъ изъ льда скалъ проливомъ—Заяцкій островъ. Здѣсь живутъ лѣтомъ стрѣльцы.

А вонъ вдали, уже на берегу, такой маленькій издали—Сумскій острогъ, главная квартира осаждающей арміи.

Онъ весь, какъ на ладони, передъ Ивашкой.

Невысокая простая бревенчатая городьба, маленькія деревянные башенки. Съ полсотни домишекъ, разбросанныхъ за городьбой. Обыкновенный военный поселокъ середины XVII столѣтія—просто плотно сбившаяся въ кружокъ кучка крестьянскихъ избъ. На видъ совсѣмъ не внушительная крѣпость.

Да. А сколько бѣды для монастыря вышло изъ этой игрушечной крѣпости.

Дмитрій вдохнулъ и, скользнувъ по зеленоватому сверкающему простору замершаго моря, отвелъ взглядъ въ другую сторону.

Зазвонили въ било. Дворъ вдругъ оживился потянувшимися отовсюду черными тѣнями.

«Полунощница, — подумалъ Иванъ, но тотчасъ поправился,—нѣтъ, полунощницу которые старики читаютъ въ кельѣ, а тутъ идутъ всѣ. А, да вѣдь сегодня соборъ».

Да, вѣрно. Это собирались изъ келлій *на послѣдній соборъ*.

**
*

Трапезная стала быстро наполняться иноками.

Вотъ тихо, еле шагая, опираясь на посохъ, пришелъ больной ногами игуменъ Никаноръ.

Слѣдомъ за нимъ шелъ старецъ Макарій, маленькій, худенькій старикъ, съ строгими и пронизательными глазами.

Кучкой прошли мірскіе люди, съ сотникомъ Самуиломъ во главѣ, но ихъ было немного: нельзя было покинуть стѣны.

Въ рядовой толпѣ выдѣлялся своими мистическими, полными вдохновенія, глазами свѣцезожигатель Кононъ. тотъ самый, что года два тому назадъ видѣлъ во время перваго приступа къ обители, когда у самой гробницы чудотворца Германа разорвалось ядро, святителя Германа, который «будилъ» Зосиму и Савватія «суда праведнаго просити на обидящія, иже имъ покоя и въ землѣ дати не терпятъ»..



Соборъ въ Соловецкомъ монастырѣ.

Строго и ласково въ одно и то же время смотрѣли со стѣнъ темные лики угодниковъ.

Толпа молчала и тихо ждала, когда кончить свою рѣчь Никаноръ.

Почти беззвучно тихо положили началъ.

Онъ говорилъ тихо, но въ мертвой тишинѣ было слышно и его.

— Собралъ я васъ, други, вотъ пошто,—началъ Никаноръ.

«...Явился средь насъ Іуда. Ѳектиска бѣжалъ, и, слышно, все съ воеводой... Слыхатъ, ищутъ они мѣста, какъ къ намъ пройти, яко тати, ноцію... Можетъ, и пройдутъ. И тогда намъ гибель.

Что скажете: можетъ, кто, страха ради Ваньки Мецеринова, уйти хочеть, такъ уходите... Богъ простить.

А то будете жалиться на насъ послѣ Богу... Ну?»

Шумъ пробѣжалъ по собранію.

— Куда намъ итти... Умремъ около угодниковъ...

— Не отдадимъ обитель. Германюву могилку...

— Ну, инъ такъ.

Изъ толпы послышался чей-то взволнованный голосъ:

— Не предасть Господь... Не дастъ могилокъ святыхъ на посрамленіе... И самъ-то государь уже свѣта отходитъ... Косою смертной посѣкается...

— Это ты, Дмитрій,—остановилъ взволнованнаго инока Макарій.—А ты помолчи... Царю да дастъ Богъ здравія. Мы ему не супротивники... А коли умереть,—царство ему Божье.

— Вотъ, вотъ,—снова началъ игумень.—И еще дѣло... Есть, братіе, и между насъ супротивники. Снова головы подняли тѣ, что за царя молиться не хотятъ. Паки свою прою поднимають: не хотимъ, говорятъ, за того молитвы возносить, кто въ Спасовъ образъ стрѣлять велить. И имъ надо дать отвѣтъ. Что скажете? А я, грѣшный, тако мыслю, что за пошествованіе новшествамъ Никоновымъ царь Богу отвѣтитъ... И суда Божьяго онъ стоитъ близъ... А наше дѣло—за владыку

нашего молиться по смерть нашу... Таковъ мой сказъ. Добро ли? Такъ что ли?

— Такъ, такъ...

— Сказать, чтобы такіе уходили лучше... Нѣтъ отъ нихъ и угодникамъ заступы,—послышались голоса.

— Ну, и спаси васъ Христось... Такъ и будетъ...

— Такъ разойдитесь же, братія, съ миромъ. Господу молитесь! Сохранить Господь,—Его воля... Предастъ въ руки бестудныхъ, и то добро. И о томъ скорбѣть не будемъ, коли кости наши будутъ растерзаны и влачimy по землѣ псами и птицами небесными.

Хорошо и такъ: пріятно намъ и на землѣ будетъ лежать, свѣтомъ одѣяннымъ и небомъ прикрытымъ: и небо наше, и земля наша, и свѣтъ нашъ, и всю тварь Богъ намъ далъ. Когда еще въ древнія времена великій ангелъ Алтезъ восхитилъ Авраама выспрь, т.-е. на высоту къ Богу, и показалъ ему «вся отъ вѣка сохраненная»,—такъ было угодно Богу. А теперь, думаете, изнемогъ Богъ? Нѣтъ, нѣтъ!

И вамъ дастъ обитель у себя, коли за вѣру пострадаетъ суждено...

Старый архимандритъ остановился:

— Только, вотъ, святыни жалко. Все разграбятъ, да осквернятъ вору,—тихо прибавилъ онъ послѣ небольшого молчанія.

И обвелъ кругъ слезящимися старческими глазами, точно предвидя грядущее разграбленіе...

Иноки и стрѣльцы тоже молчали: они мысленно хоронили обитель...

— Ну, помолимся... Можетъ, въ послѣдній разъ,—вернулся къ инокамъ архимандритъ.

А въ это время Іуда Θεоктиска съ Мещериновымъ шарили по стѣнамъ, отыскивая входы.

Но свѣтлая полярная ночь хранила обитель. Чтобы еще разъ дать инокамъ время освятить на праздникъ Богоявленія ледяныя воды залива, которому для многихъ суждено было стать могилой.

Часъ былъ близокъ, но еще не пришелъ.

II.

Въ Москвѣ. Ночь въ теремѣ.

Крещенье выдалось морозное, ясное.

Точно серебро, искрился снѣгъ на бѣлыхъ улицахъ.

Когда по звону, «въ четверть часа дни» (въ 7-мъ часу) народъ потянулся сначала къ Успенскому собору, а потомъ Тайницкимъ воротамъ, у многихъ побѣлѣли и щеки, и уши.

Но москвичамъ не привыкать стать къ морозамъ.

На то и Крещенье, чтобы тѣмъ, кто «бѣсовскія хари» надѣвали, жарче было въ ледяной проруби.

Рѣдко видѣла Москва такія толпы народа, какъ на Крещенье.

Прѣзжали и изъ иныхъ городовъ — изъ Богородска и даже изъ Калуги посмотрѣть на «большой нарядъ».

Около «получасу дни», наконецъ, открылся самый крестный ходъ: издалека было слышно, какъ царскіе пѣвчіе гремѣли: «Гласъ Господень»...

Ходъ «зачинали» стрѣльцы,—сотни четыре-пять Въ цвѣтномъ платьѣ шли они по четыре человѣка въ рядъ, съ золочеными пищалями и винтовками, съ золочеными копьями и протазанами.

За ними шло духовенство: одутловатый патріархъ Іоакимъ, съ «лисыими», какъ говорили о немъ, глазами, въ богатѣйшемъ саккосѣ, а за нимъ митрополитъ крутицкій и остальное духовенство.

Два соборные священника наблюдали за порядкомъ хода.

За духовенствомъ, немного отступя, слѣдовалъ царь со своею нарядною свитою,—по три человѣка въ рядъ.

Впереди шли дѣяки и тѣ служилые люди, которые были въ бархатныхъ кафтанахъ; за ними дворяне, стряпчіе, стольники въ золотыхъ кафтанахъ и, наконецъ, ближніе люди въ богатыхъ шубахъ. Самъ государь шелъ въ «большомъ царскомъ нарядѣ».

Сверхъ зипуна и богатѣйшаго «станового» кафтана на немъ было царское платье изъ дорогой золотой матеріи, съ

жемчужнымъ кружевомъ, усыпаннымъ драгоценными камнями.

Царскій вѣнецъ блестѣлъ, переливаясь алмазами и яхонтами.

Плечи государя покрывали свѣтлыя бармы.

Золотой крестъ на золотой цѣпи сіялъ на груди.

Въ правой рукѣ онъ несъ жезлъ, украшенный золотомъ и камнями. Двое стольниковъ поддерживали государя подъ руки.

Сильно постарѣлъ Тишайшій. Правда, онъ остался по прежнему или даже еще болѣе тучнымъ, но тяжелыя морщины залегли на его лбу.

Глаза, когда-то такіе ясные, потухли. Руки замѣтно дрожали.

Тѣнь не то скрытой боли отъ «неладнаго сердца», не то отъ душевнаго разлада лежала на лицѣ. И такъ не шла къ его простоватому облику.

У Тайницкихъ воротъ ходъ остановился. Здѣсь и была іордань.

Высокая красивая сѣнь, на четырехъ колоннахъ, съ расписнымъ карнизомъ и золоченымъ крестомъ наверху стояла саженьяхъ въ двухъ отъ берега. По угламъ сѣни находились изображенія евангелистовъ, а внутри—апостоловъ и крещенія Господня.

Пестрые «райскіе» цвѣты изъ шелковой матеріи и жести, зеленые листья и птицы, вырѣзанные изъ мѣди, дѣлали сѣнь похожей на какую-то не нашу, «восточную» постройку. Не вдалекѣ отъ сѣни сіяли золотомъ царское и патріаршее мѣста. Царское мѣсто было особенно затѣйливо и красиво: это была круглая сѣнь на пяти столбахъ, съ пятью главами, украшенными, золочеными крестами. И внутри, и снаружи она отдѣлана рѣзбою, расписана красками, серебромъ и золотомъ. Рамы съ слюдяными окнами между столбами замѣняли стѣны. Одна изъ рамъ съ райской птицей Сириномъ на сподѣ служила дверью.

Все пространство около сѣни было покрыто краснымъ сукномъ.

Еще ранѣе «хода» къ іордани прибыли келари, чтобы «припасться».

Они размѣстили на трехъ аналояхъ иконы и утварь: на среднемъ положили крестъ и Евангеліе, крестъ—«на мисѣ», на правомъ—иконы Предотечи, Николы Чудотворца, на лѣвомъ—Влахернскую Богоматерь и московскихъ чудотворцевъ.

Четыре соборныхъ діакона очищали ледъ на іордани сѣткою, обшитою краснымъ сукномъ.

Патріархъ и царь остановились на своихъ мѣстахъ. Патріархъ осѣнилъ народъ, раздалъ всѣмъ свѣчи и началъ водоосвященіе по чину.

Царь, весь отдавшійся молитвѣ, немного просвѣтлѣлъ. Но вотъ онъ снова нахмурился.

Наступило время погружать государевы свѣчи, и Іоакимъ, слѣдуя новому чиновнику, опустилъ этотъ, любимый царемъ, моментъ. «Въ служебникѣ, молъ, не показано».

Царь однако былъ, видимо, недоволенъ, и когда, по окончаніи чина, патріархъ, по обычаю, почерпнувъ воды серебрянымъ ведромъ, наполнилъ ею государеву стопу для дворца и здоровствовалъ государю, тотъ подошелъ къ патріарху съ «немиловиднымъ ликомъ».

«И что имъ эти свѣщи помѣшали»,—досадливо думалось царю.

Царь сѣлъ въ сани и, пользуясь тѣмъ, что духовенство еще было занято окропленіемъ «бояръ и людей», подѣхалъ къ проруби, совсѣмъ невдалекѣ, гдѣ очищались оскверненные машкерами.

Быстро раздѣвались бѣдные грѣшники и съ крикомъ кидались въ прорубь.

Толпа хохотала и не пускала тѣхъ, кто, обожженный ледяной водой, хотѣлъ выпрыгнуть, окунувшись одинъ разъ.

— Не... Толкай его назадъ. Ишь онъ какой!

Царь, остановившійся на минуту, улыбаясь смотрѣлъ на зрѣлище.

Забава была по его вкусу. Не даромъ онъ любилъ купать своихъ стольниковъ въ дворцовомъ прудѣ. Даже потускнѣвшіе глаза загорѣлись снова.